

Василий Григорьевич Авсеенко

Поэзия журнальных мотивов

Василий Авсеенко

Поэзия журнальных мотивов

«Public Domain»

1873

Авсеенко В. Г.

Поэзия журнальных мотивов / В. Г. Авсеенко — «Public Domain», 1873

«Между современными русскими поэтами г. Некрасов занимает привилегированное положение. Когда, лет двенадцать назад, на поэзию и поэтов вообще в журналистике нашей поднялось жестокое гонение, когда любимейшие и бесспорно талантливейшие поэты низвергались с пьедесталов, поражаемые громами фельетонной критики, когда публицисты, в поисках за общественным злом, останавливались на стихах гг. Фета, Майкова, Полонского, — в эту тяжелую годину г. Некрасов счастливо избегнул участи своих собратьев. Несмотря на то что занятия поэзией единогласно признаны петербургскою критикой несоответствующими достоинству развитого человека, г. Некрасов невозбранно продолжал и продолжает наполнять страницы самых quasi-прогрессивных изданий своими стихами, и петербургская критика не находит чтоб обстоятельство это причиняло какой-либо ущерб нашему общественному развитию. Короче, какая-то счастливая волна видимо отделила г. Некрасова от общего течения и благополучно понесла его в попутную сторону...»

© Авсеенко В. Г., 1873

© Public Domain, 1873

Василий Григорьевич Авсеенко

Поэзия журнальных мотивов

Стихотворения Н. Некрасова.

Часть пятая. С.-Петербург. 1873.

Между современными русскими поэтами г. Некрасов занимает привилегированное положение. Когда, лет двенадцать назад, на поэзию и поэтов вообще в журналистике нашей поднялось жестокое гонение, когда любимейшие и бесспорно талантливейшие поэты низвергались в пьедесталов, поражаемые громами фельетонной критики, когда публицисты, в поисках за общественным злом, останавливались на стихах гг. Фета, Майкова, Полонского, — в эту тяжелую годину г. Некрасов счастливо избегнул участи своих собратьев. Несмотря на то что занятия поэзией единогласно признаны петербургскою критикой несоответствующими достоинству развитого человека, г. Некрасов невозбранно продолжал и продолжает наполнять страницы самых *quasi*-прогрессивных изданий своими стихами, и петербургская критика не находит чтоб обстоятельство это причиняло какой-либо ущерб нашему общественному развитию. Короче, какая-то счастливая волна видимо отделила г. Некрасова от общего течения и благополучно понесла его в попутную сторону.

По-видимому, сам г. Некрасов в начале своего поэтического поприща вовсе не рассчитывая на такую выгодную карьеру. В одном из старых своих стихотворении, он выражался таким образом:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства.
Ему сочувствие в толпе
Как ропот вод ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;
Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.
Дивясь великому уму,
Его коварно не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Случилось однако совершенно наоборот. К особенному счастью г. Некрасова, «волны русского прогресса» приняли такое течение, что утлая ладья незлобивых поэтов оказалась опрокинутою и потопленною, а над поглотившею их бездною победно развевается парус обильного желчью г. Некрасова.

Ему сочувствие в толпе
Как ропот волн ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа.

И в то время как современники «дивятся его великому уху и при жизни памятник готовят», печальна судьба незлобивого поэта:

Его преследуют худы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобления.

Этот «незлобивый поэт» есть конечно лицо собирательное; он олицетворяет собою всю ту поэтическую плеяду сороковых годов которая вынесла на своих плечах упомянутое гонение и приняла на свои головы молнии и громы, тщательно миновавшие главу г. Некрасова. Правда, иначе едва ли и могло быть, так как самые грозные громы обрушившиеся на поэтов находились в непосредственном распоряжении г. Некрасова, как издателя *Современника* и *Свистка*.

Но не в этой конечно внешней связи г. Некрасова с журналистикой заключается тайна привилегированного положения в каком видим мы его в последнее время. Под этою внешнею связью, в самой поэзии г. Некрасова скрывается внутренняя связь с тем направлением какое с сороковых годов неуклонно пыталась принять наша периодическая печать, и какое в конце концов выродилось в явление названное нами в предыдущей статье журнализмом. Внимательным разбором поэзии г. Некрасова мы надеемся доказать что эта поэзия постоянно искала сближения с господствующим журнальным направлением, черпала из него свои силы и вдохновение и иссякла как раз в то время когда иссякло движение в петербургской журналистике, растерявшей своих наиболее бойких представителей и замкнувшейся в узкий круг законченного отрицания. Мы увидим что поэтическая деятельность г. Некрасова двигалась постоянно параллельно с движением наших журнальных идей, верным отражением которых она всегда была, и вместе с которыми вступала теперь в период совершенного бесплодия.

Явление это весьма поучительно. Каким образом поэт, не обделенный талантом, мог обратиться к такому сомнительному источнику вдохновения как петербургское журнальное направление, и замкнуть свою литературную карьеру в круг его идей? А между тем, изучая г. Некрасова в связи с общим движением нашей поэзии и литературы вообще, нельзя не убедиться что в то время как другие поэты искали вдохновения в проявлениях жизни или в вечно-юных идеалах искусства, г. Некрасов принимал впечатления жизни из вторых рук, поскольку они отражались в течении журнальных идей, служивших для него единственною духовною пищей. Поэзия г. Некрасова вырабатывалась в редакциях и служила постоянно как бы иллюстрацией направлений попеременно господствовавших в известной части журналистики.

Наша новая поэзия вышла целиком из Пушкина. Антологические и лирические стихотворения Пушкина был источником к которому последующие поколения поэтов постоянно обращались. Эта близкая связь с Пушкиным не была результатом простого подражания: родство обуславливалось тем, что многосторонний гений поэта обнял всю область поэзии и указал в ней пути, с которых нельзя сойти не разрывая с вечными законами искусства. Пушкин первый заговорил у нас тем языком в котором выразились не субъективные чувства, симпатии и вкусы поэта, но исповедь благородного представителя века которому ничто человеческое не чуждо. Он отрешил русскую поэзию от мечтательного, заимствованного романтического идеализма каким она была запечатлена под пером Жуковского, а привел ее в соприкосновение с бьющимся пульсом жизни – жизни образованного и мыслящего общества. В поэзии Пушкина находили отражение своих идей и впечатлений не одни только

любители искусства, но все кто умел благородно мыслить и чувствовать, кому доступны были общечеловеческие идеи добра, правды и красоты.

Лермонтов был непосредственным продолжателем Пушкина. Его поэзия запечатлена субъективным чувством, сильно отличавшим ее от Пушкинской, но вне этого субъективного чувства он шел рабски по пути проложенному его великим учителем. Сам он не проложил новых путей; даже внешние поэтические формы у него те же что у Пушкина, – те же поэмы в которых сюда лирического чувства и красота описаний выкупают бедность романического содержания, тоже краткие и сильные лирические стихотворения, тот же шуточный тон в изображениях повседневной современной жизни, тот же наконец четырехстопный ямб. Поэтическая техника значительно усовершенствована Лермонтовым, хотя он не достиг железной выразительности Пушкинского стиха последнего периода; описательные места в его поэмах иногда пленительнее чем у Пушкина, но за то некоторые роды поэзии коими Пушкин владел в совершенстве остались для Лермонтова совершенно недоступными, как например патологический род, которому Пушкин научился у Гёте, Шенье и Батюшкова. В общем, Лермонтов послужил как бы проверкой Пушкина, доказав что созданные последним приемы в высшей степени жизненны, и намеченные им пути могут вести к бесконечному развитию.

Со смертью Лермонтова, в поэзии нашей наступает продолжительное затишье. Поэты Пушкинского цикла умолкают; новые таланты зреют медленно. Бодрящее, трезвое и светлое настроение Пушкинской поэзии как бы иссякло не только в литературных кружках, но и в самом обществе; чувствуется что новое поколение поэтов должно принести с собою другой, не-Пушкинский тон. И в самом деле, когда с конца сороковых годов выступает на литературное поприще новая поэтическая плеяда, иной тон ясно слышится в нашей новой поэзии, хотя она продолжает разрабатывать те же темы, остается в тех же формах и напоминает те же звуки.

Критика пятидесятих годов много способствовала уяснению поэтов того времени, но общая оценка даровитой плеяды, в которое соединялись имена гг. Майкова, Фета, Полонского, Тютчева, Щербины, Мея еще ждет беспристрастного слова. Рецензенты пятидесятих годов очень много сделали для того чтобы так сказать провести названных поэтов в публику, создать в обществе массу ценителей поэтических дарований (услуга, которою, заметим мимоходом, гнушается современная критика), но явления вызвавшие известный новый тон в поэзии того времени и сообщившие много родственных черт целому кружку поэтов остались ее разьясненными. Между тем, изучая этих поэтов, нельзя не убедиться что они руководились одним и тем же взглядом на поэзию, и несмотря на литературную самостоятельность каждого из них, черпали вдохновение из одного и того же источника и разрабатывали поэтические темы в одном и том же направлении. Такое совпадение конечно не могло быть случайным, и в общем ходе нашего развития критика неминуемо должна найти явления его обусловившие.

Беспокойно-страстное и неудовлетворенное чувство, отразившееся в нашей поэзии сороковых и пятидесятих годов, было уделом целого поколения, и не у нас только, но и в Европе. В избранных умах господствовало чувство утомления и недовольства, которое с такою страстностью и таким горьким смехом выразилось в поэзии Гейне. Как поэт выплакавший в стихах горе и боль своего века, Гейне непосредственно следует за Байроном. У нас влияние Гейне было всесторонне и продолжительно. Болезненный смех Гейне, этот смех над тем самым что он любит, пришелся как нельзя более по вкусу русскому обществу, всегда расположенному сомневаться в себе самом и смеяться над собою. Гейне был встречен у нас как родной певец, и у каждого русского поэта нашелся в душе отголосок на его песни. Довольно припомнить что поэты самых противоположных направлений переводили Гейне или подчинялись его влиянию; у каждого нашлись струны звучащие согласно с его лирою...

Эта тоскливая струна внутреннего разлада слышится например в поэзии г. Фета, и только близорукие не замечают ее за страстными звуками любви.

Находят дни: с самим собою
Бороться сердцу тяжело...
И духа злобы над душою
Я слышу тяжкое крыло.

Самая любовь – страстная и мечтательная – является у г. Фета лишь как бы исходом из замкнувшегося круга внутренних страданий. Есть у г. Фета одно стихотворение, в котором жажда счастья и недуг сомневающегося духа выразились очень ясно; стихотворение это озаглавлено: *Весенние мысли*.

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.
Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою *подкупленной* веришь,
Что как мир *бесконечна любовь*.
Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

Только в редкие мгновения страсти, когда рассудок теряет свою власть, поэт находит короткое, но полное счастье:

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь. *В этот миг я разумом слабею*
И в сердце чувствую такой прилив любви
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Из этой борьбы неудовлетворенного духа с жаждою счастья, самозабвения, проистекают два параллельные течения, проходящие по всей поэзии г. Фета: скорбное томление души и поэтическое чувство, обращенное к женщине. Только подле любимого существа находит поэт разрешение своего недуга; тяжкое крыло «духа злобы» перестает веять над нам, а больная душа волнуется «негою томательной» во власти «несказанного стремления». Припомним прелестные строки из стихотворения *Муза*:

Мне Муза молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;
Отрывистая речь была *полна печали*
И женской прихоти, и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.
Какой-то негою томительной волнуем,

Я слушал, как слова встречались с поцелуем,
И долго без нее *душа была больна*
И несказанного стремления полна.

Стихотворение это задумано в антологическом роде, но у г. Фета античная муза превратилась в мечтательный, полупрозрачный призрак *северной* поэзии. Напрасно искали бы мы в нем пластичности, роскоши и силы: это мечтательный, бледный образ, созданный из серебристых лучей месяца:

Если зимнее небо звездами горит
И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой дивный, скользит,
Словно ты из лучей создана.
И светла и легка, ты несешься туда...
Я гляжу и молю хоть следов...
И светла и легка – но за то ни следа,
Только грудь обуяет любовь...

От этого мечтательного образа веет севером, словно от героини зимней сказки:

Знаю я что ты, *мамотка*,
Лунной ночью не робка:
Я на свете вижу утром.
Легкий оттиск башмачка.
Правда, вон при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даром, друг мой,
Покидаешь ложе сна;
Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.
Но боюсь я, друг мой малый,
Как бы в вихре дух ночной
Не заваял бы тропинку
Проложенную тобой.

Присутствие этого мечтательного и чистого существа отрадно действует на поэта; в минуту душевного умиления, он спрашивает:

Не здесь ли ты *легкою тенью*,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь *тихо* со мною
И *тихо летаешь* вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И *сладкий врачуешь недуг*,
И тихим даришь сновиденьем...

Поэт верит в молитвенную чистоту этой женщины-младенца и ищет подле нее силы в борьбе с тем «духом злобы и сомненья» крыло которого порою тяжело веет над ним:

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня,
Ты помолишь душою нежной
И за себя и за меня.
Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

Этот поэтический образ, в котором черты Шекспировских женщин – Дездемоны, Офелии, Корделии – слились с прозрачными красками северных саг, необыкновенно гармонирует с лиризмом нашей поэзии после-Пушкинского периода. Эта *малютка*, созданная из серебристо-снежного сияния зимней ночи, с печалью на скорбном лице, со следами слез на ясных глазах, с последними блеклыми цветами в руке, с очарованием молитвенной благодати, веющим от всего существа ее, – эта женщина особенно близка и дорога для больного сына века, ищущего выхода из чувства неудовлетворения и сомнения, уязвленного жалом *мировой скорби* и полного *несказанного стремления*. Близ этой женщины притупляется острое чувство, и душевная боль разрешается сладким томлением...

Мы старались уловить этот образ в поэзии г. Фета, потому что ни у кого не выразился он с такою прозрачностью; но он живет и у других поэтов того же круга, например у г. Тютчева и у г. Полонского. Ощущение неудовлетворенности, стремление к выходу, к отвлечению, есть общая черта всей нашей поэзии сороковых и пятидесятих годов. У г. Майкова это чувство выразилось в другой форме, но с не меньшей силой, в лучшем его произведении: *Три смерти* не говоря уже о многих мелких лирических стихотворениях, отразивших на себе влияние Гейне.

Замечательно что критика того времени вовсе не заметила насколько тон этой поэзии и ее вдохновение исходят из глубины жизни и духа времени. Чувство неудовлетворения, проходящее обильною струей в этой поэзии, ускользнуло от внимания критики, видевшей только поэтические темы которые казались ей весьма удаленными от жизни и проглядевшей незримую нить связывавшую эти темы с общественными и историческими условиями. Критики замечали только что поэты поют о любви, о женщине, что чувствуемая в их поэзии страсть есть страсть к женщине, – и когда в конце сороковых годов в журналистике нашей возникла идея о необходимости ближайшей связи литературы с жизнью, вся не-Некрасовская поэзия весьма смело была отнесена к области «чистого искусства», пребывание в которой для писателя сделалось предосудительным. К шестидесятым годам такой взгляд утвердился окончательно со всеми крайностями увлечения, и поэты не-гражданского закала торжественно доставлены на одну доску с ворами (в известных стихах г. Некрасова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.